

ИСТОРИЯ

УДК 94(516+574/575)

Д.В. Васильев

КИТАЙСКИЙ ВОПРОС В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ: К ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ИЛИЙСКОМ КРАЕ

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого».

Исследуются правовые акты, устанавливавшие временную административную систему в Илийском крае (округе), входившем в 1870–1880-х гг. в состав Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи. Показаны различия во взглядах представителей разных эшелонов управления империи на административное устройство округа. Сделан вывод об уникальности местной административной системы, сочетавшей значительное сохранение традиционных институтов с некоторыми элементами общетуркестанского управления.

Ключевые слова: Илийский край; Кульджа; Туркестанское генерал-губернаторство; Китай; Российская империя; XIX в.; Г.А. Колпаковский; К.П. Кауфман; административная система.

Более 150 лет назад в 1867 г. на юго-западных землях Российской империи было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, не только сыгравшее важную роль в истории современных государств Центральной Азии, но и внесшее свою лепту в укрепление отношений нашей страны с пограничными тогда Ираном, Китаем и Афганистаном.

Административно-территориальное деление российских владений в регионе отличалось значительным разнообразием. По мере завоевания новых территорий происходило расширение границ Туркестанского генерал-губернаторства, возникали новые территориальные образования. Так, 29 июня 1868 г. на месте Самаркандского и Катта-Курганского бекств был образован Зеравшанский округ, к которому в 1870–1871 гг. были присоединены вновь образованные Зеравшанский горный район, Магианское, Фарабское и другие бекства. В 1873 г. на землях правого берега р. Амударья, отторгнутых от Хивинского ханства, и присоединенного к ним Кызыл-Кумского района был образован Амударьинский округ, переименованный позднее в отдел. В 1875 г. русскими войсками было завоевано Кокандское ханство, на месте которого 19 февраля 1876 г. высочайшим повелением была образована Ферганская область. Семиреченская область выделилась из состава Туркестанского края в 1882 г.

Такое многообразие административно-территориальных единиц не могло не сказаться на законодательных основах организации субрегионального (областного) управления. К 1882 г. на территории Туркестанского генерал-губернаторства одновременно действовали четыре временных положения об управлении административно-территориальными единицами, из которых ни одно не имело силы постоянного закона.

Однако среди всех этих частей Русского Туркестана особую роль играет Илийский край, занятый российскими войсками и возвращенный китайскому правительству ради обеспечения собственной безопасности и во имя укрепления дружественных отношений с соседом.

События, предшествовавшие Кульджинскому кризису и временному занятию Россией Илийского края в 1871–1881 гг., были небезынтересны современникам. Почему, с какой целью и надолго ли страна овладела значительной территорией сопредельного Китая? Этими вопросами задавались и на них отвечали российские государственные деятели и ученые второй половины XIX столетия.

Так, видный деятель администрации Туркестанского края А.К. Генс, исследуя движущие силы восстания 1864 г. в Синьцзяне, главной его причиной считал религиозные противоречия [1]. Той же точки зрения придерживался и известный ученый В.П. Васильев [2. С. 5]. Описывая события того времени, российские офицеры и историки А.Л. Субботин [3], А.И. Макшеев [4], К.А. Скальковский [5] формулировали предложения о поддержке китайских властей, выступали против формирования новых мусульманских государств близ границы империи, видели в этом очаг напряженности, угрожающий стабильности во всем регионе. Достаточно подробно действия русских войск в регионе описали М.А. Терентьев [6. С. 266], Д.Я. Федоров [7. С. 57], В.П. Васильев [8. С. 136]. Большинство вышеуказанных авторов так или иначе затрагивали вопросы организации российского управления временно присоединенными территориями. А Д. Я. Федоров даже сделал попытку сравнительного анализа деятельности на территории Илийского края российской и китайской (до 1864 г.) администраций [7. С. 93–107].

Осложнение российско-китайских отношений вновь сделало историю Илийского края актуальной уже в начале XX в. [9]. Пробуждение интереса к этой проблематике совпадало, как правило, с очередным обострением отношений двух крупнейших азиатских держав [10]. Новый подъем интереса к истории Кульджинского вопроса был вызван мощными геополитическими изменениями, произошедшими в Центральной Азии в последнем десятилетии прошедшего столетия. Весьма интересное и емкое описание присоединения Кульджи и некото-

рых аспектов внутренней жизни региона под властью Российской империи дал В.А. Моисеев. Но, не ограничиваясь этим, он подробно проанализировал все дипломатические перипетии отношений двух стран, описал и обосновал окончание российско-китайского размежевания в Центральной Азии [11. С. 98–227]. Не менее фундаментальную работу в этом направлении проделала и Д.В. Дубровская [12. С. 144–182]. Отдельные аспекты финала Кульджинского (Илийского) кризиса нашли отражение и в европейской периодике [13].

При этом в отечественной историографии до сих пор нет работ, специально посвященных исследованию становления и развития российской администрации на временно оккупированной территории Китая. Восполнить этот пробел призвана настоящая статья.

Усиление российско-китайских контактов во второй половине XIX в. стало результатом общей активизации Российской империи на центральноазиатском направлении. Во второй четверти столетия в казахских землях реализуется система прямого управления, и эта территория начинает позиционироваться уже как внутреннее пространство государства [14; 15. С. 463–465; 16. С. 115–116]. А 1850–1860-е гг. окончательно убедили Европу и Азию в том, что Россия пришла в регион всерьез и надолго.

Кульджинский (1851), Айгунский и Тяньцзиньский (1858), Пекинский (1860) договоры двух империй заложили основы для развития последующих торговых и дипломатических отношений, а Чугучакский договор (1864) установил границу Китая и России в Центральной Азии.

Однако в середине XIX в. обстановка в многонациональном Северо-Западном Китае была напряженной. Начавшееся в 1862 г. в провинции Шэньси антиманчжурское и антикитайское восстание дунган (мусульман) к 1864 г. докатилось до Синьцзяна, охватив прилежащие к российским владениям Илийский и Тарбагатайский округа. В ноябре восставшие овладели Кульджу – административным центром Илийского округа. Пограничные китайские власти обратились за помощью к России. Петербург ответил отказом, мотивируя его опасностью спровоцировать мусульманское движение в своих приграничных владениях, опасностью утраты своего влияния в Синьцзяне, а также нежеланием обострения отношений с Великобританией. На территории Синьцзяна были провозглашены три мусульманские государства: Кульджинский (Таранчинский) и Дунганский (Урумчийский) султанаты и государство Йэттишаар. А намерение последнего подчинить себе Кульджу вынудило царские войска 22 июня 1871 г. занять Кульджу и оккупировать Илийский округ.

Сразу после занятия Кульджи командовавший экспедицией военный губернатор Семиреченской области генерал-майор Г.А. Колпаковский, получивший за этот поход следующее звание, опубликовал обращение к населению Илийского края. Объявив о переходе всей полноты власти в регионе в его руки, губернатор предупредил жителей о том,

что местная власть отныне принадлежит назначенным им российским начальникам, а также утвержденным им представителям коренного населения. Новый глава Илийского края предписал всем действующим местным начальникам явиться к нему в Кульджу для получения указаний по части организации управления. Обращаясь к жителям края, Колпаковский гарантировал им личную и имущественную безопасность. При этом предупредил о строгости преследования воровства, грабежа и обид, а также притеснений одной этнической группы другой. Финал документа был достаточно эффективным: «Богатые и сильные не смеют обижать бедных под страхом наказания. Взамен безопасности и благосостояния, которые даруются населению Илийского края, я требую только покорности, но да будет известно всем жителям, что непокорные и нарушители порядка будут строжайшим образом наказываемы» [17. Л. 8–8 об.].

Одним из первых распоряжений Г.А. Колпаковского стали отмена рабства и требование незамедлительного освобождения всех насильно удерживаемых и предоставления им возможности «жить в тех местах, где они сами пожелают и заниматься теми промыслами, какими захотят». Новые захваты рабов строжайше запрещались под страхом сурового наказания [Там же. Л. 10–10 об.].

В самом конце июня 1871 г. военный губернатор Семиречья докладывал генерал-губернатору К.П. фон Кауфману о своих шагах по устройству недавно занятого Илийского края. Приступая к организации управления регионом, он исходил из неопределенности статуса края (нерешенности вопроса о сохранении его в составе России или последующей передачи Китаю) и отсутствия достаточных сведений об условиях жизни и прежней системе управления населением. Отсюда он делал вывод о том, что «новое управление, как вводимое в виде опыта, должно было быть простым, не сложным, определяющим только основные черты, предоставляя частности практике» взаимодействия с жителями региона, во многом совершенно отличными от кочевого и оседлого населения Туркестанского края [Там же. Л. 1 об.–2].

Самым простым способом выхода из затруднительного положения могло бы стать подчинение местного таранчинского управления высшей российской администрации. Однако «это оказалось совершенно неприменимым, потому что таранчинское управление представляло собою не что иное, как эксплуатацию всей страны господствующим племенем, в среде которого вся власть принадлежала нескольким родственным между собою семействам» [Там же. Л. 2–2 об.]. Все города, селения и племена были разделены между этими родичами, которые подчинялись султану, назначавшемуся по рекомендации его ближайшего окружения. И сохранение власти в руках непопулярной, по мнению Колпаковского, элиты, погрязшей в коррупции и притеснениях, представлялось военному губернатору неприемлемым. Поэтому было принято решение восстановить власть прежде существовавших, но полностью подчиненных таранчинским чинов-

никам народных начальников у торгоутов, сибо и джунгар. У прочих народов, не сохранивших свое традиционное управление, было принято решение прибегнуть выборной системе, упростив ее применительно к местным обстоятельствам.

Административное деление местного населения сохранялось в прежнем виде. В качестве примера можно рассмотреть управление у таранчей. Сотни объединялись, как правило, по хозяйственному принципу в административную общину – кент числом от 400 до 1200 дворов. Во главе кентов было решено поставить избранных собранием выборщиков – старшин (беков) или аксакалов (по одному от 100 дворов), к которым полагались помощники для управления отдаленными поселениями. Судебная власть до российского занятия региона была совмещена с административной и, соответственно, находилась в руках султана. Сохранение такого порядка было признано нецелесообразным. Поэтому тем же самым выборщикам было предоставлено право избрать для каждого кента трех судей. Подобным образом была организована первичная администрация и у других этнических групп, за исключением казахов. В каждом казахском роду были назначены волостные управители и избранные бии [17. Л. 3–4 об.].

С учетом этнической неоднородности населения и его разбросанности по значительной территории было признано недостаточным иметь один региональный орган российской администрации. Генерал-лейтенант Клопаковский принял решение разделить илийскую территорию на четыре участка, назначив к управлению ими подчиненных ему офицеров. Каждому участковому начальнику следовало нанять переводчиков и выделить средства на экстраординарные и канцелярские расходы [Там же. Л. 5, 6 об.].

В одном из первых обращений к местным жителям Г.А. Колпаковский обосновал внесенные им изменения в административную систему региона. Передачу управления племенами (родами) в руки собственных начальников он объяснил притеснениями, вполне естественно возникавшими при существовавшем прежде доминировании одного племени над другими. Здесь же были обнародованы подробности формирования новой первичной администрации для каждой из этнических групп, населявших илийский регион.

На управителей обществ (старшин, аксакалов, волостных и т.п.) возлагались обеспечение безопасности и порядка во вверенных обществах, пресечение преступлений и передача их на рассмотрение судей, исполнение их решений. Кроме того, местные первичные начальники должны были строго исполнять распоряжения стоявших над ними российских властей. Им же давалось право административного ареста непослушных подведомственных жителей на срок не более семи дней. Народным судьям было предписано разбирать все дела между представителями местного населения, за исключением старых дел (возникших до российского занятия края), которые предавались забвению. Из подсудности народных судей изымались также дела по

государственной измене, грабежам, явному сопротивлению властям и убийствам. Они попадали под юрисдикцию российского военно-полевого суда. Дела же обычной юрисдикции рассматривались народными судьями по принадлежности ответчика. В случае недовольства решением судей по делам, в которых были замешаны представители разных этнических групп, истец получал право обратиться к участковому начальнику для назначения смешанного суда с участием судей со стороны истца и ответчика. Народные судьи вели дела, принимали решения на основании местных обычаев. Решения фиксировались письменно и приводились в исполнение старшинами и управителями. Главной обязанностью российских участковых начальников, кроме обеспечения порядка, объявлялся надзор за исполнением управителями и народными судьями их обязанностей [17. Л. 11–14 об.].

Буквально одновременно с рапортом Г.А. Колпаковского К.П. Кауфману из столицы империи тому же адресату было отправлено отношение Министерства иностранных дел с разъяснением ближайшей судьбы Илийского края. А еще ранее состоялось высочайшее повеление «установить в Илийской долине такой порядок туземного управления, который более всего мог бы соответствовать политическим и торговым нашим выгодам, избегая при этом всяких распоряжений, могущих клониться к постоянному нашему утверждению в этой стране» [Там же. Л. 25]. Военному губернатору Семиречья вновь пришлось направить рапорт главному начальнику Туркестана с изложением своего видения системы управления новыми землями.

Объясняя произведенные уже преобразования необходимостью оперативного реагирования и обеспечения единственной цели – охраны порядка и безопасности в условиях неопределенности статуса региона и следующей из того невозможности вмешиваться в экономическую жизнь и быт местного населения, Колпаковский утверждал, что «такое управление, будучи весьма просто и несложно, вполне достигало главной... цели – сохранения в стране порядка, – и в тоже время освобождало... от всяких затруднений в случае необходимости передачи страны китайцам, или иного устройства участи края по воле русского правительства» [Там же. Л. 24–24 об.].

Однако, учитывая изменчивость политического вектора, военный губернатор рассматривал возможные перспективы взаимодействия Российской империи и Илийского края. Наилучшим вариантом, но при этом и нереальным он признал присвоение Кульдже статуса, которым обладало Кокандское ханство, находившееся в то время фактически в вассальной зависимости от России. Но, к сожалению, высокая степень полиэтничности Илийского края не давала никакой возможности для организации в Кульдже прочного правительства. Учреждение «туземного правительства», по его мнению, в любом случае вынудило бы держать в крае достаточное количество войск для поддержки правящего режима и при этом не дало бы возможности Петер-

бургу прямо влиять на ситуацию в регионе. Генерал-лейтенанту Колпаковскому не оставалось ничего другого, как признать, что «наилучший способ для достижения указанной высочайше цели наших действий в Западном Китае – утверждения на нашей границе спокойствия и порядка, и развития торговых и промышленных сношений – в отношении к Илийской долине есть продолжение временного занятия ее нашими войсками и удержание существующаго временного нашего управления впредь до окончательного решения участи страны иным способом помимо образования в ней туземного правительства» [17. Л. 26 об.–27].

Г.А. Колпаковский затронул и вопрос о возможном движении российских войск на Урумчи с целью водворения и там мира и спокойствия. Движение на Урумчи и занятие его генерал-лейтенант признал нецелесообразным из-за невозможности поддержки со стороны китайских войск, отдаленности от имперских границ и больших сложностей со снабжением. Посему военный губернатор предложил ограничиться с проживающими в Урумчи дунганями торговыми связями и, по возможности, лишь утверждением в округе выгодного России порядка управления, а именно избавление от власти кашгарского правителя Якуб-бека и возвращение независимости, чего вполне можно было добиться мирными средствами. Начало партнерским торгово-дипломатическим сношениям с Урумчи должен был положить уже формировавшийся в Верном весьма значительный торговый караван. Но даже неудачу торгово-дипломатических контактов с Урумчи (при возможном сохранении на город и его округу влияния Якуб-бека) Колпаковский не считал губительной для российских владений, особенно в сравнении с тяжестью последствий завоевания и удержания этого региона [Там же. Л. 27 об.–29].

В своем предписании участковым начальникам военный губернатор Семиреченской области донес до подчиненных указание главного начальника Туркестанского края о том, «что только при сохранении... наблюдательного характера русская власть может ограничиться немногочисленными единоличными органами и не связать своего существования с многочисленной дорогостоящей и тягостной для народа администрацией» [Там же. Л. 31 об.].

Примечательно, что этот документ содержит свидетельство труднопреодолимых противоречий, которое, впрочем, довольно ярко характеризует неоднозначное отношение властей к региональной политике государства, когда разные административные эшелоны по-разному смотрели на одни и те же вопросы. В своем предписании Колпаковский привел предложение К.П. Кауфмана: «...установить (в Илийском крае. – Д.В.) туземные земско-хозяйственные учреждения, возложив на них же поземельные и податные функции». Сообщая об этом, сам военный губернатор признал такую меру излишней, исходя из того что Кульджа объявлялась лишь временной территорией России, а местные жители никогда не имели даже понятия о земских учреждениях. Поэтому он дал указание воздержаться от введения земских институтов, ограничившись пред-

ставлением предложений по этому вопросу [17. Л. 32–32 об.]. А генерал Кауфман, судя по всему, памятуя историю со штурмом Самарканда, видел Кульджинский район в пределах вверенного ему края со всеми соответствующими административными атрибутами.

Большую важность для исследования системы управления в Илийском крае представляет Инструкция начальника участков Кульджинского района. В ней дается объяснение российской оккупации части китайских владений: «Причиной занятия Илийской долины была постоянная враждебность кульджинского правительства, стеснение им нашей торговли и допущение со стороны его подданных грабежей и баранты в нашей пограничной полосе». Также в Инструкции определена перспектива восстановления этой территории в составе Китая, в связи с чем все российские мероприятия здесь должны были носить исключительно временный характер, которые не задержали бы быстрого оставление этого края. Поэтому задачами российской администрации должны были стать обеспечение безопасности населения; сохранение быта людей и традиционного управления на первичном уровне; установление равноправных отношений между различными этническими группами. Реализация этих задач должна была оставить открытыми два варианта развития событий: возвращение Кульджи Китаю и, что не исключалось, сохранение ее навсегда под властью России. «В видах достижения этих целей власть русская в долине Или должна иметь характер наблюдательный и иметь значение посредствующего между народностями начала». Все предполагавшиеся мероприятия должны были иметь подрывной характер лишь в отношении «всего вредного для русского и китайского государственного начала...» [Там же. Л. 33–34 об.].

Исходя из причин завоевания Илийской долины, обеспечение порядка и безопасности признавалось важнейшей задачей новой администрации. Этого было необходимо достигнуть в том числе и ради укрепления российского влияния в Кульдже в случае ее возвращения Китаю. Эта задача должна была достигаться надзором за неблагонадежными, сбором агентурных сведений, крайне осторожным удалением из района вредных элементов, посылкой казачьих разведов в наиболее неблагополучные места, штрафованием упорствующих в беспорядках обществ, вооруженным подавлением политических волнений, наблюдением за оперативностью и справедливостью народных судов, мотивацией местных начальников на четкое исполнение своих обязанностей в этом отношении. Кроме того, участковые начальники должны были вести дознание и следствие по преступлениям, в которых были замешаны русские, разбирать дела между русскими и местными жителями на правах уездных судей туркестанских областей [Там же. Л. 35–38 об.].

Личные, имущественные и поземельные отношения коренного населения следовало оставить без изменений. При этом переуступка прав земельного владения должна была осуществляться исключительно с разрешения участкового начальника. Смена

земельных собственников не допускалась. Предметами особой заботы участковых начальников должны были стать развитие земледелия, промышленности и торговли в крае, строительство новых и поддержание старых арыков. Торговлю следовало освободить от всяких пошлин [17. Л. 40–42 об.].

Как существовавшие еще до антикитайского восстания, так и вновь избранные начальники племен, старшины, аксакалы, волостные и прочие должны были утверждаться в должностях и увольняться распоряжением военного губернатора. «Права и обязанности высших родовых начальников (укурдаев и им соответствующих старшин кентов и городов, а также волостных управителей) определяются в отношении к подчиненным существующими обычаями, насколько эти последствия не противоречат настоящей инструкции; в тех же случаях, где указаний обычая не встречается, и в отношениях к русским властям народные управители пользуются правами и несут обязанности, присвоенные волостным управителям по проекту Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях». Как уже отмечалось выше, местные начальники получали право содержать под арестом виновных в неповиновении сроком не более 7 дней. Следовало внушить обществу необходимость установления фиксированного вознаграждения своим непосредственным начальникам. В каждом обществе следовало иметь нижних полицейских чинов (в каждой сотне по одному) на правах аульных старшин по проекту туркестанского Положения 1867 г. [17. Л. 43 об.–45; 18. С. 138–139].

В инструкции подчеркивалось, что «все народности края должны пользоваться равными правами на защиту русской властью их личных и имущественных прав и свободы, и их племенной самобытности». Особо военный губернатор Семиречья остановился на отношении новой власти к религии. При этом мусульманская религия сама по себе, а тем более ее господство признавались вредными. Констатировалось, что гонение на ислам не входило в планы правительства, но и охрана его не соответствовала государственным интересам. «Действия участковых начальников сообразно сему могут клониться лишь к терпимости мусульманской религии, никогда не доходя до ограждения или поддержки ее. <...> Начетчики мусульманские (духовное сословие) не должны быть возвышаемы пред прочими. Поддержка, охрана их значения, выражение к ним внимания не должны быть допускаемы. В выбор и назначение их не должны вмешиваться ни русские, ни туземные должностные лица. Постройка и поддержание мечетей должны быть предоставлены усмотрению и средствам частных лиц. Никакие приговоры по сборам на этот предмет не могут иметь обязательного значения, и уклонение кого-либо от исполнения их не преследуется ни русскими, ни туземными должностными лицами. Приписка земель к мечетям (вакуфы. – *Д.В.*) не допускается и почитается незаконной». Однако такое «игнорирование мусульманства» отнюдь не предполагало неведение в деятельности духовных лиц. «Напротив того, постоянное и неусыпное наблюдение

за приемами и средствами мусульманской пропаганды возлагается на особенную обязанность начальствующих здесь лиц». Выраженное в инструкции отношение к исламу полностью соответствовало религиозной концепции К.П. Кауфмана: «Неведение мусульманства должно быть внешнее и ограничивается отказом всякой охраны и всякой материальной или нравственной поддержки как в слове, так и в деле, как мусульманству, так и проповедникам его» [17. Л. 45 об.–47 об.].

Еще строже следовало быть в отношении дунган: «...стремиться уничтожить в этом населении все следы таранчинского владычества». Г.А. Колпаковский исходил из безусловной необходимости оградить дунган от распространения среди них ислама, поэтому категорически запрещал допускать к управлению ими всякого, воспринявшего сартовские обычаи, нравы или даже одежду (чалму и т.п.), ибо сарты считались фанатичными поборниками мусульманства и потенциальными его пропагандистами. Средством защиты дунган от распространения ислама через сартовскую, и даже казахскую пропаганду военный губернатор видел в том числе и через поощрение их контактов с китайцами, «ибо только при этом условии малочисленное дунганское население может сохраниться от поглощения в окружающем его мусульманском населении» [Там же. Л. 47 об.–48 об.].

Совершенно иначе следовало относиться к буддизму и иным распространенным в Китае религиозным течениям: «Не высказывая явно к этим учениям пристрастия, начальствующие лица должны однако оказывать материальную и нравственную поддержку в смысле более или менее полного восстановления их прежнего положения и средств». Полезным признавалось и распространение китайской культуры, в том числе письменности, «...ибо безинтеллигентное начало не может рано или поздно не поддаться направлению, принятому интеллигенцией (мусульманской)» [Там же. Л. 48 об.–49].

Все существовавшие прежде подати следовало заменить посемейной у оседлого населения и кибиточной у кочевого в размере 3 руб. За сокрытие оседлых хозяйств и кибиток народные управители должны были подвергаться штрафу в те же самые 3 руб. за каждый факт. Сумма назначенной подати раскладывалась выборными от сотен между сотнями и сходами внутри самих сотен в зависимости от состоятельности домохозяев или юртовладельцев. Сбор податей согласно раскладке и их доставку начальнику участка обеспечивали народные управители. Повинности коренного населения должны были ограничиться исправлением почтовых сообщений, поставкой в военное время подвод, предоставлением людей для караула и сопровождением арестантов. Отбываться эти повинности могли натурой или соответствующим наймом по уравнительному распределению [Там же. Л. 49–51 об.].

Рассматриваемая инструкция наделяла участковых начальников правами уездных начальников коренных областей Туркестанского края, подчиняя их военному губернатору Семиреченской области.

Следует особо подчеркнуть, что расположенные в участках войска не подчинялись участковым начальникам. Такая необычная для Туркестанского края ситуация объясняется, скорее всего, особым статусом и положением района, находившегося, с одной стороны, все еще под угрозой возможных волнений, а с другой – в буферном состоянии между Российской и Китайской империями. Для осуществления полицейских функций в распоряжение начальников участка следовало предоставлять определенное число казаков [17. Л. 51 об.–52 об.].

Какой бы логически оправданной не казалась рассмотренная инструкция, туркестанский генерал-губернатор обнаружил, что она в некоторых принципиальных моментах расходится с его видением управления вновь занятым краем. К.П. Кауфман был возмущен содержащимся в циркуляре военного губернатора Семиречья указанием Г.А. Колпаковского на встреченное им противоречие в указаниях главного начальника края по устройству земской части в Илийской долине и приглашением участковых начальников представить свои соображения «о степени необходимости и полезности» предложенной генерал-губернатором меры [17. Л. 62 об.].

Назвав этот шаг неуместным и неприличным, Кауфман указал Колпаковскому на имевшиеся у последнего возможности обсудить все сомнения с главным начальником края и просить разъяснения или отмены его указания. Это было тем более уместно, что генерал-губернатор не требовал немедленного введения указанной меры, а, напротив, просил представить ему на рассмотрение проект устройства податной и земско-хозяйственной части. К.П. Кауфман напоминал, что в отношении земско-хозяйственных учреждений района он предлагал составить органы поземельной власти из представителей местного населения. Ссылаясь на слова Колпаковского о том, что «...устройство земско-хозяйственных учреждений будет нововведением, которое при отдаче страны маньчжурам, по всей вероятности, будет отменено», что нанесет урон достоинству России, генерал-губернатор утверждал, «что если какая-либо мера, принятая русской администрацией, будет отменена впоследствии китайской, то едва-ли много пострадает от того достоинство нашего правительства» [Там же. Л. 63 об., 64–64 об.].

Следует признать, что в своем предписании Колпаковскому от 18 августа главный начальник края действительно требовал «не создавать таких прецедентов, кои впоследствии должны были бы подвергнуться уничтожению китайской властью» [Там же. Л. 63 об.–64]. Тем не менее генерал-губернатор не видел никакого противоречия в своих указаниях, ибо указанное его требование относилось к характеристике будущей российской системы управления в целом, да и отмены предложенной им меры достоинство России не пострадало бы. Что же касается конкретно указанной Кауфманом меры, то ее следовало исполнить неукоснительно. Генерал-губернатору пришлось конкретизировать свою позицию: «Нам следует, конечно, избегать крупных переворотов, что и выражено в

моем предписании от начала до конца; но достоинство русского правительства будет сохранено вполне, если администрация исполнит данные мною указания на пользу управляемому народу, и не будет очень вмешиваться в народное хозяйство, предоставив народу самому знать свои нужды; дело администрации дать ему средства познать эти нужды и руководить правильным удовлетворением таковых, дать средства и возможность осуществлять меры к удовлетворению этих нужд» [17. Л. 65].

Главный начальник края обратил внимание на те статьи инструкции участковым начальникам, которые выходили за рамки его требования о минимизации административного вмешательства в управление ильицами. Он увидел отступления в предлагавшейся Колпаковским передаче попечительства об устройстве арыков участковым начальникам при участии в принятии решения выборных от населения. Именно эти шаги, по мнению Кауфмана, были бы в первую очередь подвергнуты сомнению и отменены китайским правительством. Генерал-губернатор не забыл упомянуть и другие предложенные Колпаковским мероприятия, имевшие характер нововведений: обложение каменного угля денежной пошлиной, склонение обществ к установлению содержания народным управителям, избрание старшин выборщиками от каждой сотни дворов, отделение судебной власти от полицейской, избрание судей выборщиками и т.п. Предлагавшиеся Кауфманом меры были превышены и в отношении сбора податей: военный губернатор Семиречья считал возможным поручить раскладку податей и повинностей сходам и общественным приговорам при участии участковых начальников. Таким образом, российская власть из наблюдательной превращалась в деятельную, что противоречило указаниям Ташкента, хотя сам Колпаковский утверждал обратное [Там же. Л. 65–67].

Ответом на задание внести изменения в инструкцию участковым начальникам стал рапорт военного губернатора Семиреченской области, который содержал оправдания и объяснения новой редакции документа. Судя по всему, главного начальника края эти оправдания вполне устроили. К.П. Кауфман наложил на рапорт резолюцию: «Объяснения генерала Колпаковского оставить без дальнейших последствий» [Там же. Л. 69].

На этот раз военный губернатор Семиречья вполне категорично высказался против создания в районе земских учреждений, считая, что в случае объединения обществ по территориальному или родовому признаку они могут стать почвой для племенной консолидации и созданию потенциальной угрозы российскому либо китайскому владычеству. Довольно простое податное хозяйство вполне могло удовлетворяться участковыми начальниками, сходами и съездами выборных. Земские же потребности, в силу разобщенности населения, обусловленной его полиэтничностью и родоплеменной дискретностью, могли достичь невероятных пределов, которые нереально было бы удовлетворить за счет земских сумм. Этими обстоятельствами и

обосновывался вывод о нецелесообразности учреждения в крае земств [17. Л. 69 об.–72].

25 августа следующего 1872 г. (т.е. почти через год) генерал-адъютант К.П. фон Кауфман утвердил предложенную генерал-лейтенантом Г.А. Колпаковским инструкцию начальникам участков Кульджинского района. Из документа исчезло упоминание о сооружении новых арыков и поддержании старых по решению выборных от народа и под контролем участкового начальника. (Эти вопросы, как и все земские дела, затрагивающие интересы нескольких общин, передавались на рассмотрение особого собрания гласных заинтересованных обществ, которое получало права участкового собрания [Там же. Л. 88 об.–89].) При этом требование замены натуральной пошлины денежной на добычу каменного угля осталось в силе. Предложение об установлении фиксированного содержания народным управителям также осталось в утвержденной инструкции [Там же. Л. 82].

Вопреки прежнему мнению Колпаковского, появился в инструкции и перечень земских учреждений Кульджинского района, на которые возлагалось уравнительное распределение повинностей, избрание способов их отправления (натурой или наймом), заведывание земским хозяйством и раскладка земских сборов: «...1) в каждой сотне или сумуне из схода домохозяев или юртовладельцев; 2) в каждом обществе (кенте, волости, роде) из схода выборных от сотен; 3) в каждом участке из гласных, выбираемых сходами сотенных выборных каждого общества по одному на каждые три сотни дворов или юрт, если общество состоит из большого числа оных и 4) в целом районе из собрания земских гласных, выбираемых главными каждого участка по 1 на каждую тысячу дворов или юрт. <...> Выборы в сотнях, общинах и участках производятся ежегодно по распоряжению участковых начальников, которые обязаны при выборах в гласные района присутствовать» [Там же. Л. 87–87 об.]. Общинные и участковые собрания земских гласных должны были собираться «по мере надобности» или по желанию гласных, поддержанному участковыми начальниками, а собрания гласных района – по распоряжению военного губернатора. Участковые и районные собрания должны были проходить в присутствии представителей российской администрации. Дела в земских собраниях решались большинством голосов. Решения общинных и участковых собраний на сумму до 1 000 руб. или 1 000 рабочих

дней подлежали утверждению участковых начальников. Решения на более высокую сумму, а также решения районного собрания на сумму до 5 000 руб. или рабочих дней должны были утверждаться военным губернатором, а на более высокую сумму – главным начальником Туркестанского края. При этом представители российской администрации строго предостерегались от большого вмешательства в дела земского хозяйства [17].

Перед участковыми начальниками была поставлена задача привести в известность все казенное имущество района и «...озаботиться извлечением из них дохода посредством отдачи в оброчное содержание с торгов или другим способом...» [Там же. Л. 89–89 об.]. Все прочие статьи прежней инструкции были оставлены без изменений.

Проведенный анализ материалов, фиксирующих российскую администрацию в Илийском крае, свидетельствует о том, что новая администрация в действительности не затронула глубоко существовавшие здесь социальные отношения. Она была выстроена исходя из главной задачи – сохранить регион в безопасности до передачи его китайским властям. Но и при этом на Кульджинский район были распространены некоторые общетуркестанские административные установки: близкое административно-территориальное деление, введение выборного начала в формирование первичной администрации и народного суда, учреждение земского управления и пр. Разделение же здесь административной и военной власти следует рассматривать не в контексте либеральных преобразований, а как более эффективное средство обеспечения спокойствия в еще недавно мятежном крае. Какие бы противоречия не возникали внутри туркестанской администрации, все ее мероприятия в конечном итоге были консолидированы и продуманы в контексте общих политических подходов, задаваемых центром и реализовывавшихся в Ташкенте.

В 1877 г. Китаю удалось восстановить свою власть в Синьцзяне, а уже в следующем году Петербург решил вернуть соседу Илийский край. Переговоры по этому вопросу завершились подписанием в 1881 г. Петербургского договора, возвращавшего Пекину большей части Илийского округа. Его западная часть оставалась за Россией для поселения там мусульман, изъявивших желание принять подданство империи. Новая граница между двумя государствами была зафиксирована в Новомаргеланском протоколе 1884 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейнс А.К. О восстании мусульманского населения или дунганей в западном Китае // Известия императорского русского географического общества. Географические известия. СПб. : Тип. В. Безобразова, 1871. Вып. 3. С. 65–72.
2. Васильев В.П. Современное положение Азии. Китайский прогресс. СПб., 1883. 24 с.
3. Субботин А.Л. Россия и Англия на среднеазиатских рынках. СПб. : Тип. Экономического журнала, 1885. 85 с.
4. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. СПб. : Военная тип. 1890. 376 с.
5. Скальковский К.А. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1897. 560 с.
6. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. : Тип. А.Л. Меркульева, 1875. 361 с.
7. Федоров Д.Я. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент : Штаб Туркест. воен. округа, 1903. Ч. 1. 300 с.
8. Васильев В.П. Две китайские записки о падении Кульджи и занятии ее русскими войсками // Русский вестник. 1871. № 5. С. 130–192.
9. Кадников В.С. Из истории Кульджинского вопроса // Исторический вестник. 1911. № 6. С. 893–909.

10. Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают (Против фальсификации истории русско-китайских отношений) / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М. : Мысль, 1982. С. 423–459.
11. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул : Азбука, 2003. 346 с.
12. Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна: Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1998. 202 с.
13. Voskresenskij A.D. Генезис «Илийского кризиса» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. 1994. Vol. 35, № 4. P. 763–786.
14. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: административное моделирование пространства // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 4. С. 65–82.
15. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.
16. Васильев Д.В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М. : ИБП, 2015. 303 с.
17. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 744. Об устройстве временного управления во вновь занятом Илийском крае.
18. Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 мая 2019 г.

The Chinese Question in the Russian Turkestan: A History of the Russian Administration in the Ili Region

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 449, 93–101.

DOI: 10.17223/15617793/449/12

Dmitry V. Vasilyev, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Keywords: Ili region; Kuldja; Turkestan governorate general; China; Russian Empire; 19th century; G.A. Kolpakovsky; K.P. Kaufman; administration system.

The article aims to study the administrative system the Russian authorities established in the Ili region and to identify the main direction of these administrative transformations. To achieve these aims, the following objectives are solved: to clarify the ideology of administrative transformations in this part of Central Asia, to determine the degree of the Russian administration's familiarity with the local political tradition, to disclose basic principles that guided the power structures of the empire in establishing the new governance system. The sources of this study are archived legislative acts, as well as projects from the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan on the formation of the Russian administration system for the newly annexed territories of the Turkestan region. Historical and logical methods, criticism and analysis of unpublished sources, a comparative legal study, institutional and comparative methods, as well as a civilisational approach are used in the article. The modern historiography of the question is rather limited. The article analyses legal acts which instituted the temporary administration system in the Ili region as a part of the Turkestan Governorate General of the Russian Empire in the 1870s–1880s. The variety of opinions among officers from different echelons of imperial power on the administrative organisation of the region is shown. The conclusion on the uniqueness of the local administration system, which combined a considerable preservation of traditional institutes with some elements of the all-Turkestan governance, is drawn. Starting to organise the governing of the region, Russian authorities proceeded from the uncertainty of the status of the region (the unresolved issue of whether to keep it in Russia or to subsequently transfer it to China) and the lack of sufficient information about its living conditions and former administration system. The analysis of documents fixing the Russian administration in the Ili region shows that the new administration did not affect deeply the existing social relations. The new administration was built on the basis of the main task to secure the region until its returning to the Chinese authorities. But, at the same time, some all-Turkestan administrative institutions operated in the Kuldja district. The author believes that no matter what contradictions occurred in the Turkestan administration, all its activities were consolidated and analysed in the context of general political approaches set by the centre and implemented in Tashkent.

REFERENCES

1. Geyns, A.K. (1871) O vosstanii musul'manskogo naseleniya ili dunganey v zapadnom Kitae [On the Uprising of the Muslim Population or the Dungans in Western China]. *Izvestiya imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Geograficheskie izvestiya*. 3. pp. 65–72.
2. Vasil'ev, V.P. (1883) *Sovremennoe polozhenie Azii. Kitayskiy progress* [The Current State of Asia. Chinese Progress]. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha.
3. Subbotin, A.L. (1885) *Rossiya i Angliya na sredneaziatskikh rynkakh* [Russia and England in the Central Asian Markets]. St. Petersburg: Tip. Ekonomicheskogo zhurnala.
4. Maksheev, A.I. (1890) *Istoricheskiy obzor Turkestana i nastupatel'noe dvizhenie v nego russkikh* [The Historical Overview of Turkestan and the Offensive Movement of Russians in It]. St. Petersburg: Voennaya tip.
5. Skal'kovskiy, K.A. (1897) *Vneshnyaya politika Rossii i polozhenie inostrannykh derzhav* [The Foreign Policy of Russia and the Situation of Foreign Powers]. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.
6. Terent'ev, M.A. (1875) *Rossiya i Angliya v Sredney Azii* [Russia and England in Central Asia]. St. Petersburg: Tip. A.L. Merkul'eva.
7. Fedorov, D.Ya. (1903) *Opyt voenno-statisticheskogo opisaniya Iliyskogo kraya* [The Experience of Military-Statistical Description of the Ili Region]. Pt. 1. Tashkent: Shtab Turkest. voen. okruga.
8. Vasil'ev, V.P. (1871) Dve kitayskie zapiski o padenii Kul'dzhi i zanyatii ee russkimi voyskami [Two Chinese Notes on the Fall of Kuldzhi and Its Occupation by Russian Troops]. *Russkiy vestnik*. 5. pp. 130–192.
9. Kadnikov, V.S. (1911) Iz istorii Kul'dzhinskogo voprosa [From the History of the Kuldzhi Question]. *Istoricheskiy vestnik*. 6. pp. 893–909.
10. Gurevich, B.P. (1982) Istoriya “Iliyskogo voprosa” i ee kitayskie fal'sifikatory [The History of the “Ili Question” and Its Chinese Falsifiers]. In: Tikhvinskiy, S.L. (ed.) *Dokumenty opроверgayut (Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitayskikh otnosheniy)* [Documents Refute (Against Falsification of the History of Russian-Chinese Relations)]. Moscow: Mysl'. pp. 423–459.
11. Moiseev, V.A. (2003) *Rossiya i Kitay v Tsentral'noy Azii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia (Second Half of the 19th Century – 1917)]. Barnaul: AzBuka.
12. Dubrovskaya, D.V. (1998) *Sud'ba Sin'sizyana: Obretnenie Kitaem “Novoy granitsy” v kontse XIX v.* [The Fate of Xinjiang: China's Acquisition of the “New Frontier” at the End of the 19th Century]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.
13. Voskresenskij, A.D. (1994) Genезis “Iliyskogo krizisa” i rusko-kitayskiy Livadiyskiy dogovor 1879 g. [The Genesis of the “Ili Crisis” and the Russian-Chinese Livadia Treaty of 1879]. *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. 35 (4). pp. 763–786.

14. Vasil'ev, D.V. (2015) Russia and the Kazakh Steppe in the First Half of the 19th Century: Administrative Modeling of Space. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 4. pp. 65–82. (In Russian).
15. Vasil'ev, D.V. (2014) *Rossiya i Kazakhskaya step': administrativnaya politika i status okrainy. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Russia and the Kazakh Steppe: Administrative Policy and the Status of the Outskirts. The 18th – the First Half of the 19th Centuries]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
16. Vasil'ev, D.V. (2015) *Forpost imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noy Azii. Seredina XIX veka* [The Outpost of the Empire. Administrative Policy of Russia in Central Asia. The Middle of the 19th Century]. Moscow: IBP.
17. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. Fund I-1. List 27. File 744. *Ob ustroystve vremennogo upravleniya vo vnov' zanyatom Ilyskom krae* [On the Temporary Governance in the Newly Occupied Ili Region].
18. Vasil'ev, D.V. (2018) *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noy Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The Burden of the Empire. Administrative Policy of Russia in Central Asia. The Second Half of the 19th Century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

Received: 01 May 2019